

Краткая антирелигиозная кампания 1954 года

*Мандрик С.В.,
старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Белорусского государственного
аграрного технического университета,
магистр гум. н.*

*Горанский А.О.,
заведующий отделением катехизаторов
Минского духовного училища, магистр гум. н.*

Оживление религиозной жизни в СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие вызывало сильную тревогу у многих партийных руководителей. Ослабление интереса советского государства к международной и патриотической деятельности Русской Православной Церкви и шаткая законодательная база, санкционирующая ее внутреннюю жизнь, привели к тому, что в 1948 г. в партийном руководстве стали раздаваться голоса о возрождении свернутой во время войны антирелигиозной пропаганды и восстановлении определяемого коммунистической идеологией практического отношения к деятельности Церкви. В последние годы жизни И. Сталина государственными органами была взята тактика постепенного ограничения влияния Церкви в обществе при сохранении внешне ровных отношений, а антирелигиозная кампания, начавшаяся было в 1948 г., под давлением непререкаемого авторитета И. Сталина вскоре была свернута.

Новый руководитель коммунистической партии и советского государства Н. Хрущев, к 1954 г. окончательно утвердившийся у власти в СССР, после принятия первоочередных мер в области политики и экономики обратился к идеологической работе, включавшей вопросы отношения к религии и Церкви. Хрущев сформировался как политический деятель в 1930-е гг. и немало сил приложил к уничтожению храмов и борьбе с верующими в Москве и на Украине. Кроме того, новый лидер искренне верил в возможность скорого построения коммунизма, в котором «не будет места религиозным представлениям».

Воспользовавшись настроениями нового руководителя, заведующие отделами пропаганды и науки ЦК представили Н. Хрущеву в конце марта 1954 г. совместную докладную записку об угрожающем росте влияния Церкви в советском обществе и развале атеистической работы [1, с. 349]. Результатом разработки данного вопроса в партийных кругах стало подготовленное Д. Шепиловым, А. Шелепиным и М. Суловым постановление ЦК КПСС от 07.07.1954 «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», в котором осуждалась «примиренческая политика в церковном вопросе» и содержались призывы к разоблачению «реакционной сущности и вреда религии». Данное постановление объявляло антирелигиозную пропаганду не частью партийной работы, как это было раньше, а общегосударственной задачей, к которой должны быть привлечены школа, армия, профсоюзы и т.д. В этом документе фактически пересматривалась и осуждалась прежняя государственная конфессиональная политика. Предлагалось вернуться на довоенный путь «наступления на религиозные пережитки», а также содержались призывы обязать министерства просвещения союзных республик «усилить воспитательную работу среди учащихся и студентов в духе воинствующего материализма» [2]. В ответ на постановление ЦК КПСС ЦК КПБ 28.07.1954 принял постановление «О состоянии и мерах улучшения научно-атеистической пропаганды в республике», в котором партийные структуры БССР обязались «решительно покончить с пассивностью в отношении к религии» [3, с. 242].

Данное постановление открывало широкий простор для действий антицерковного характера на местах, к которым советская бюрократия, подчиненная принципам коммунистической идеологии, и без того была склонна. В БССР за последующие после июльского постановления ЦК КПСС четыре месяца в печати и на радио появились многочисленные, часто грубые, нападки на религию. Например, 15.07.1954 на белорусском радио состоялось антирелигиозное выступление, в котором оскорблялись чувства верующих христиан [4]. Содержание антирелигиозных выступлений в СМИ сводилось к тому, что веру-

ющих обвиняли в том, что религиозные праздники часто сопровождаются массовым опьянением, убоем рогатого скота, что порождает значительные потери в экономике и отвлекает тысячи людей от «общественно полезного труда». «Религиозные предрассудки» и суеверия подрывают сознание советских людей и уменьшают их активное участие в строительстве коммунизма». Некоторые авторы даже приводили данные об огромных размерах ущерба, причиненного верующими и религией народному хозяйству. Например, в одном из сообщений говорилось, что в одном из колхозов было потеряно до половины урожая картофеля, так как работники слишком много времени проводили на богослужении или празднуя религиозные праздники.

Со страниц печати антирелигиозная борьба легко переходила в область общественно-политической и административной практики. Совет по делам Русской Православной Церкви неоднократно обращал внимание партийного и советского руководства на многочисленные факты применения административного воздействия на верующих и духовенство. Например, председатель Жлобинского райисполкома Гомельской области в ультимативной форме поставил вопрос в Гомельском обкоме партии: «или пусть меня уберут из района, или пусть уберут церковь». После этого районный прокурор передал дело в суд о расторжении договора с церковной общиной [5]. В деревне Череватицы Брестской области заведующий и инспектор Кобринского райфо «явились в церковь, закрыли и опечатали ее, изъяв некоторое культовое имущество в погашение недоимки по налогу» [6]. 21.09.1954 собор в городе Мозыре был отключен от городской электросети, поскольку, по словам заведующего абонентной конторы «без разрешения горкома не позволяли дать свет» [7]. В деревне Любаничи Кировского района Могилевской области председатель сельсовета запретил отпускать священнику продовольствие из сельмага, объясняя это тем, что по Конституции Церковь отделена от государства и духовенство «не имеет права на получение продовольствия» [8]. Вновь назначенный настоятель Николаевской церкви в деревне Павловичи того же Кировского района был вызван в сель-

совет на собрание актива села с присутствием представителей Кировского райисполкома, где председатель колхоза в грубой форме и с угрозами заявил, чтобы «священник убирался отсюда в течение двух дней и освободил от своего присутствия нашу территорию, так как в церкви мы не нуждаемся» [9]. Вмешательство во внутреннюю жизнь религиозных организаций довольно часто допускались и уполномоченными Совета по делам Русской Православной Церкви (СДРПЦ). Так, уполномоченный по Молодеченской области требовал от некоторых священников тексты проповедей, которые они произносили в храмах; уполномоченный по Минской области, будучи в Слуцком районе для проверки поступившего заявления об открытии церкви в деревне Болотчицы, порекомендовал председателю колхоза «по секрету разобрать купол церкви», считая, что принятые меры лишат возможности верующих ходатайствовать об ее открытии [10]. В конце июля 1954 г. СДРПЦ разработал и после утверждения в ЦК разослал на места письмо «О формах и методах идеологического воздействия церкви на верующих в настоящее время», в котором перед уполномоченными была поставлена задача практической помощи партийным и советским органам «в боевой оперативной информации по вопросам положения и деятельности церкви» [11, с. 154].

Однако ближайшие результаты развернутой летом 1954 г. антирелигиозной кампании оказались диаметрально противоположными ожиданиям партийных функционеров. Все действия, направленные против Церкви, вызвали негативную реакцию духовенства и мирян, и, как отмечали в СДРПЦ, вызывали «нежелательную активизацию верующих». Многие священники прямо ставили вопрос о том, что во время войны духовенство помогало советскому государству в борьбе с оккупантами, а теперь «после войны власть набросилась на духовенство» [12]. В ЦК КПСС и правительство стала поступать информация не только о случаях недовольства новой религиозной политикой, но и о значительном сопротивлении этой политике со стороны верующих, а также о «росте церковных обрядов, в связи со слухами о скором закрытии храмов» [13, с. 351]. Например, известны случаи, когда супруже-

ские пары венчались после двадцати летней совместной жизни [14].

Неудача первой попытки развертывания широкомасштабной антирелигиозной кампании объясняется рядом причин:

Во-первых, непродуманностью и неподготовленностью кампании, а также неблагоприятной социально-политической обстановкой для ее инициаторов. Религиозная политика послевоенных лет жизни И. Сталина породила у верующих и духовенства надежду на возможность выстраивания мирного сосуществования Церкви с социалистическим государством, основанного на взаимном уважении и разделении сфер деятельности. Авторитет И. Сталина, а следовательно, и его конфессиональной политики, в народе продолжал оставаться высоким, несоизмеримым с авторитетом Н. Хрущева и его сторонников.

Во-вторых, против попыток развязывания новой антирелигиозной кампании решительно выступили как некоторые высшие иерархи, так и духовенство вместе с прихожанами — все они активно требовали прекращения начавшегося произвола и гонений на Церковь. Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий обратился к председателю СДРПЦ с вопросом: «Целесообразно ли с государственной точки зрения вместо забот об объединении в монолитный состав всех своих граждан многонационального государства искусственно разъединять их по принципу религиозной дискриминации, считая верующих людьми «вредного разряда», к которым можно применять всевозможные ограничения» [15, с. 156]. В ЦК КПСС и правительство начала поступать многочисленная информация с мест о случаях проявления массового недовольства и открытого сопротивления верующих новой религиозной политике. Также усилился интерес к положению и деятельности Церкви в СССР со стороны мировой общественности.

Все это не могло не озадачить новое руководство партии и государства, авторитет которого был не так высок в обществе. Пойти на применение более радикальных мер по стимулированию антирелигиозных мероприятий было опасно. К тому же руководство СДРПЦ не поддерживало

новые формы и методы проведения в жизнь конфессиональной политики. Общая атмосфера в стране, получившая название «оттепели», привела в действие процесс духовного раскрепощения народа. С таким явлением как «общественное мнение», в том числе и верующего населения, властям приходилось считаться. Поэтому инициаторы новой антирелигиозной кампании, не добившись желаемых результатов, вынуждены были в срочном порядке свернуть кампанию и фактически признать ее ошибочность и несвоевременность.

Также внезапно, как и началась, антирелигиозная кампания была прекращена в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 10.11.1954 «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», которое фактически признавало утратившим силу постановления ЦК КПСС от 07.07.1954. К разработке проекта этого документа были привлечены члены СДРПЦ и Совета по делам религиозных культов. Данное постановление было опубликовано в газете «Правда» 11.11.1954 [16, с. 159]. Его смысл заключался в том, что верующий — тоже советский человек и строитель социализма. Оно, в частности, осуждало произвол, допускаемый местными органами власти в отношении Церкви и верующих, грубость и прямолинейность атеистической пропаганды, оскорбляющей чувства верующих, а также административное вмешательство в деятельность Церкви. Указывалось, что административные меры и оскорбительные выпады против верующих могут даже привести к усилению у них «религиозных предрассудков». Отмечалось, что только «глубокая, терпеливая, умело поставленная научно-атеистическая пропаганда среди верующих поможет им, в конце концов, освободиться от религиозных заблуждений» [17]. Однако указывалось, что исправление ошибок, допущенных в антирелигиозной пропаганде, не должно привести к ее ослаблению.

Краткая антирелигиозная кампания 1954 г. стала «пробным камнем» в преддверии наступления на религию и Церковь, широко развернувшегося в СССР в 1958–1964 гг. Партийное руководство учло совершенные ошибки и сделало соответствующие выводы, что позволило в

дальнейшем применять те же формы и методы и создать систему антирелигиозного режима, которая продолжала действовать в СССР до конца 1980-х гг

Литература

1. Шкаровский, Н. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / Н. В. Шкаровский. – М., 1999. – 400 с.

2. О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения, постановление ЦК КПСС от 07.07.1954 // Русская православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью: в 2 т. / сост. Г. Штрикер. – М., 1995. – Т. 1. – М., 1995. – С. 364–365.

3. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX стст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.]; навуковы рэдактар У. І. Навіцкі – Мн.: ВП “Экаперспектыва”, 1998. – 340 с.

4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 951. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 212.

5. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 45. – Л. 8.

6. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 45. – Л. 120–121.

7. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 218.

8. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 4. – Д. 2. – Л. 19.

9. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 4. – Д. 14. – Л. 102.

10. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 45. – Л. 120–121.

11. Чумаченко, Т.А. Государство, православная церковь, верующие 1941–1961гг. / Т.А. Чумаченко. – М: Аиро ХХ, 1999. – 247 с.

12. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 45. – Л. 115.

13. Шкаровский, Н. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / Н. В. Шкаровский. – М., 1999. – 400 с.

14. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 45. – Л. 113–119.

15. Чумаченко, Т.А. Государство, православная церковь, верующие 1941–1961гг. / Т.А. Чумаченко. – М: Аиро ХХ, 1999. – 247 с.

16. Там же.

17. Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения, постановление ЦК КПСС от 10.11.1954 // Русская православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью: в 2 т. / сост. Г. Штрикер. – М., 1995. – Т. 1. – М., 1995. – С. 364–365.